PEDAGOGIK TADQIQOTLAR JURNALI
ISSN: 3060-4923 Impact Factor –7,212

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Адхамжонова Дилдора
Андижанский государственный институт
иностранных языков
магистрант 1-го курса,
направление «Русский язык»
https://doi.org/10.5281/zenodo.24411329

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные метафоры в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Цель исследования –выявить и описать метафорические модели, посредством которых в художественном тексте осмысляются нравственное состояние личности, преступление, отчуждение и духовное возрождение. Материалом послужили контекстуально значимые фрагменты романа. В работе используются методы контекстуального, концептуального и семантико-стилистического анализа, а также элементы интерпретационного анализа. Выделяются модели «Нравственная тяжесть – физическое бремя», «Человек – насекомое», «Преступление – саморазрушение», «Духовное возрождение –воскресение». Показано, что метафорические образы участвуют в раскрытии внутреннего конфликта Раскольникова и формируют важные смысловые связи между отдельными эпизодами произведения.
Ключевые слова: когнитивная метафора, концептуальная метафора, художественный дискурс, метафорическая модель, языковая картина мира, Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание».

Abstract. The article examines cognitive metaphors in Fyodor Dostoevsky's novel Crime and Punishment. The aim is to identify and describe metaphorical models through which the literary text represents moral experience, crime, alienation and spiritual renewal. The study is based on contextually significant fragments of the novel and employs contextual, conceptual, semantic-stylistic and interpretive analysis. The analysis focuses on the models "moral burden is a physical weight", "a human being is an insect", "crime is self-destruction" and "spiritual renewal is resurrection". it argues that these metaphorical images contribute to the representation of Raskolnikov's inner conflict and establish meaningful connections between episodes of the novel.
Keywords: cognitive metaphor, conceptual metaphor, literary discourse, metaphorical model, linguistic worldview, Fyodor Dostoevsky, Crime and Punishment.

Введение. Когнитивная метафора является одним из значимых механизмов осмысления действительности. Она не сводится к украшению речи или к замене одного слова другим: метафорическое выражение позволяет человеку структурировать абстрактный опыт посредством более конкретных, чувственно воспринимаемых образов. В художественном

тексте этот механизм приобретает особую значимость, поскольку участвует в создании образной системы произведения, раскрытии психологического состояния персонажей и формировании авторской концепции мира.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» представляет богатый материал для исследования когнитивной метафоры. В центре произведения находятся нравственный выбор, вина, страдание, отчуждение, сострадание и возможность духовного обновления. Эти сложные абстрактные понятия раскрываются через конкретные образы пространства, тяжести, телесности, болезни и воскресения. Анализ таких образов позволяет проследить, каким образом языковая форма участвует в концептуализации внутреннего мира героя.

Методологическую основу составляют положения теории концептуальной метафоры [2], контекстуальный и концептуальный анализ, семантико-стилистическое наблюдение и интерпретационный метод.

В отечественной лингвистике существенный вклад в изучение метафоры внесли Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова и В. Н. Телия. Исследования Н. Д. Арутюновой раскрывают связь метафоры с дискурсом и процессами интерпретации [3]. Когнитивный подход Е. С. Кубряковой позволяет рассматривать языковые единицы как средства получения и организации знания [4]. В. Н. Телия обращает внимание на метафору как модель смыслопроизводства, обладающую экспрессивно-оценочным потенциалом [5].

Для анализа художественного произведения важно учитывать, что метафорическая модель не всегда дана в тексте в виде устойчивого языкового выражения. Она может реконструироваться исследователем на основании повторяющихся образов, контекстуальных связей и сюжетного развития. Поэтому названия моделей, предлагаемые в настоящей статье, являются аналитическими обозначениями исследователя, а не прямыми формулировками автора романа.

Одним из способов изображения внутреннего состояния Раскольникова становится пространственная организация художественного мира. Уже в начале романа жилище героя описано как тесное и подавляющее пространство: «Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру» [1, ч. I, гл. I]. Сравнение каморки со шкафом подчёркивает не просто малый размер помещения, но и ощущение замкнутости, ограниченности жизненного пространства.

Физическая теснота соотносится с психологической изоляцией героя. Автор отмечает: «Он до того углубился в себя и уединился от всех...» [1, ч. I, гл. I]. Глаголы «углубился» и «уединился» формируют образ движения внутрь замкнутого пространства. В рамках когнитивной интерпретации внутреннее состояние может быть представлено через пространственную схему: психологическое отчуждение осмысляется как удаление от других людей, а сосредоточенность на собственной идее –как погружение в ограниченный внутренний мир.

Таким образом, пространственные образы романа не только создают бытовой фон, но и участвуют в раскрытии душевного состояния героя. Тесное помещение становится художественным коррелятом духовной замкнутости, а мотив удаления от людей подчёркивает разрыв между Раскольниковым и окружающим миром.

В романе нравственные переживания неоднократно получают телесно ощутимое выражение. После признания и эмоционального перелома состояние героя описывается словами: «...как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени» [1, ч. I, гл. I]. Образ бремени переводит абстрактное психологическое напряжение в область физического опыта: вина и внутреннее страдание представляются как тяжёлый предмет, который человек вынужден нести.

В основе данной модели лежит перенос признаков физической тяжести на нравственно-психологическое состояние. Бремя давит, ограничивает движение и требует усилия; сходным образом чувство вины подавляет человека и препятствует его внутренней свободе. Освобождение от бремени, напротив, обозначает временное облегчение и изменение эмоционального состояния. Метафорическая модель делает переживание героя наглядным и телесно воспринимаемым.

Особое место в романе занимает образ «вши», возникающий в размышлениях Раскольникова о совершённом убийстве. Герой говорит Соне: «Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную» [1, ч. V, гл. IV]. В этом высказывании человек, ставший жертвой преступления, мысленно приравнивается к низшему и презираемому существу. Подобное уподобление служит оправданию насилия: если жертва представлена как нечто ничтожное, преступление может казаться герою допустимым.

Однако ответ Сони разрушает эту логику: «Это человек-то вошь!» [1, ч. V, гл. IV]. Реплика возвращает разговор к человеческому измерению и ставит под сомнение право героя оценивать чужую жизнь по собственной шкале полезности. Позднее Раскольников признаёт противоречивость своего рассуждения: «Да ведь и я знаю, что не вошь» [1, ч. V, гл. IV]. Следовательно, образ насекомого связан не только с унижением жертвы, но и с внутренним конфликтом самого героя.

Модель «ЧЕЛОВЕК –НАСЕКОМОЕ» в данном контексте имеет оценочный и психологический характер. Она показывает, как дегуманизирующий образ может использоваться сознанием персонажа для рационализации преступления. Одновременно реакция Сони возвращает в повествование нравственный критерий: человеческая жизнь не может быть сведена к категории «полезного» или «вредного» существа.

Осознание последствий преступления выражено в одном из ключевых признаний Раскольникова: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!» [1, ч. V, гл. IV]. В этой фразе происходит смысловой поворот: внимание переносится с физической жертвы преступления на самого преступника. Убийство осмысляется как действие, разрушившее внутреннюю целостность героя.

Предлагаемая аналитическая модель «ПРЕСТУПЛЕНИЕ –САМОРАЗРУШЕНИЕ» отражает представление о нравственном преступлении как о поступке, который наносит ущерб не только другому человеку, но и личности совершившего его. Внутреннее разрушение проявляется в отчуждении, мучительном самоанализе и невозможности восстановить прежнее отношение к себе и окружающим. Таким образом, наказание в романе имеет не только юридическое, но и духовно-психологическое измерение.

В эпилоге романа образная система меняется: на первый план выходят мотивы обновления, любви и воскресения. Перспектива духовного изменения передаётся через образ зари: «В этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь» [1, эпилог, ч. II]. Заря традиционно связана с началом нового дня, поэтому она становится образом начала новой жизненной эпохи.

Ещё более отчётливо метафорика воскресения проявляется в словах повествователя: «Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [1, эпилог, ч. II]. Любовь представлена как сила, способная вернуть человека к полноценной духовной жизни. Речь идёт не о буквальном возвращении к прежнему состоянию, а о нравственном обновлении, предполагающем признание вины, принятие другого человека и возможность внутреннего преображения.

Модель «ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ –ВОСКРЕСЕНИЕ» завершает рассмотренную систему метафорических представлений. Если образы тесноты, тяжести и насекомого связаны с отчуждением, страданием и нравственным кризисом, то образы зари и воскресения открывают перспективу обновления. При этом духовное возрождение не изображается как мгновенный результат: эпилог задаёт направление дальнейшего пути героев.

Систематизация выявленных метафорических моделей

Метафорическая модель	Образ-источник	Область осмысления	Функция в романе
НРАВСТВЕННАЯ ТЯЖЕСТЬ –ФИЗИЧЕСКОЕ БРЕМЯ	Тяжесть, бремя	Вина, внутреннее напряжение	Передача психологического страдания через телесный опыт
ЧЕЛОВЕК –НАСЕКОМОЕ	Вошь, насекомое	Оценка человеческой личности	Раскрытие дегуманизации и нравственного конфликта
ПРЕСТУПЛЕНИЕ –САМОРАЗРУШЕНИЕ	Уничтожение, гибель	Последствия преступления для личности	Показ внутреннего наказания героя
ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ –ВОСКРЕСЕНИЕ	Заря, воскресение, новая жизнь	Нравственное обновление	Обозначение перспективы духовного преображения

Результаты и обсуждение. Проведённый анализ показывает, что метафорические образы в романе образуют взаимосвязанную систему. Пространственная метафорика передаёт отчуждение героя; образ бремени выражает тяжесть нравственного переживания; образ насекомого раскрывает механизм обесценивания человеческой жизни; метафора саморазрушения показывает последствия преступления для личности; мотив воскресения формирует перспективу духовного обновления.

Выявленные модели различаются по характеру образа-источника и по функции в повествовании, но объединены общей задачей –представить абстрактные нравственные и

психологические процессы в конкретной, чувственно воспринимаемой форме. Их интерпретация должна учитывать контекст: одно и то же слово или образ может выполнять разные функции в зависимости от ситуации, говорящего и этапа сюжетного развития.

Следует подчеркнуть, что предложенные названия метафорических моделей являются исследовательской реконструкцией. Они обобщают смысловые отношения, выявленные в конкретных фрагментах текста, и не претендуют на статус авторских формул Достоевского. Для более полного описания системы метафор романа перспективно расширить корпус примеров и сопоставить речь повествователя с речью персонажей.

Заключение. Когнитивно-метафорический анализ романа «Преступление и наказание» позволяет выявить способы языкового осмысления нравственного кризиса и духовного изменения личности. Рассмотренные примеры показывают, что метафора в произведении выполняет не только изобразительную, но и концептуальную функцию: она организует восприятие внутреннего состояния героя и помогает раскрыть сложные отношения между преступлением, виной, страданием и возможностью возрождения.

В ходе исследования описаны четыре основные аналитические модели: «НРАВСТВЕННАЯ ТЯЖЕСТЬ –ФИЗИЧЕСКОЕ БРЕМЯ», «ЧЕЛОВЕК –НАСЕКОМОЕ», «ПРЕСТУПЛЕНИЕ –САМОРАЗРУШЕНИЕ» и «ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ –ВОСКРЕСЕНИЕ». Их последовательное рассмотрение позволяет увидеть движение от замкнутости и внутреннего разрушения к перспективе духовного обновления. Тем самым когнитивная метафора выступает одним из важных средств художественного раскрытия философской и психологической проблематики романа.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. –Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. –423 с.
2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. –Chicago: University of Chicago Press, 1980. –242 p.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. –М.: Прогресс, 1990. –С. 5–32.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. –М.: Языки славянской культуры, 2004. –555 с.
5. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. –М.: Наука, 1988. –С. 26–52.